Твір подається російською мовою через відсутність українського перекладу

Михаил Булгаков

Дни Турбиных

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Т у р б и н А л е к с е й В а с и л ь е в и ч – полковник-артиллерист, 30 лет.

Т у р б и н Н и к о л а й – его брат, 18 лет.

Т а л ь б е р г Е л е н а В а с и л ь е в н а – их сестра, 24 года.

Т а л ь б е р г В л а д и м и р Р о б е р т о в и ч – полковник генштаба, ее муж, 38 лет.

М ы ш л а е в с к и й В и к т о р В и к т о р о в и ч – штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.

Ш е р в и н с к и й Л е о н и д Ю р ь е в и ч – поручик, личный адъютант гетмана.

С т у д з и н с к и й А л е к с а н д р Б р о н и с л а в о в и ч – капитан, 29 лет.

Л а р и о с и к – житомирский кузен, 21 год.

Г е т м а н в с е я У к р а и н ы.

Б о л б о т у н – командир 1-й конной петлюровской дивизии.

Г а л а н ь б а – сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

У р а г а н.

К и р п а т ы й.

Ф о н Ш р а т т – германский генерал.

Ф о н Д у с т – германский майор.

В р а ч г е р м а н с к о й а р м и и.

Д е з е р т и р-с е ч е в и к.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й.

К а м е р-л а к е й.

М а к с и м – гимназический педель, 60 лет.

Г а й д а м а к – телефонист.

П е р в ы й о ф и ц е р.

В т о р о й о ф и ц е р.

Т р е т и й о ф и ц е р.

П е р в ы й ю н к е р.

В т о р о й ю н к е р.

Т р е т и й ю н к е р.

Ю н к е р а и г а й д а м а к и.

Первое, второе и третье действия происходят зимой 1918 года, четвертое действие – в начале 1919 года.

Место действия – город Киев.

Действие первое

Картина первая

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини.

Алексей склонился над бумагами.

Н и к о л к а (играет на гитаре и поет).

Хуже слухи каждый час:

Петлюра идет на нас!

Пулеметы мы зарядили,

По Петлюре мы палили,

Пулеметчики-чики-чики...

Голубчики-чики...

Выручали вы нас, молодцы.

А л е к с е й. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Н и к о л к а. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. (Поет.)

Хошь ты пой, хошь не пой,

В тебе голос не такой!

Есть такие голоса...

Дыбом станут волоса...

А л е к с е й. Это как раз к твоему голосу и относится. Н и к о л к а. Алеша, это ты напрасно, ей-Богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего – баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?

Е л е н а (из своей комнаты). У кого? У тебя? Нету никакого.

Н и к о л к а. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: "Вы бы, – говорит, – Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция".

А л е к с е й. Дурак твой учитель пения.

Н и к о л к а. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. Учитель пения – дурак. У меня голоса нет, а вчера еще был, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. (Трогает струны.) Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что утром приедет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

А л е к с е й. Ты потише говори. Понял?

Н и к о л к а. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Е л е н а (из своей комнаты). Который час в столовой?

Н и к о л к а. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Е л е н а (из своей комнаты). Не сочиняй, пожалуйста.

Н и к о л к а. Ишь, волнуется. (Напевает.) Туманно... Ах, как все туманно!..

А л е к с е й. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Н и к о л к а (поет).

Здравствуйте, дачницы!

Здравствуйте, дачники!

Съемки у нас уж давно начались...

Гей, песнь моя!.. Любимая!..

Буль-буль-буль, бутылочка

Казенного вина!!.

Бескозырки тонные,

Сапоги фасонные,

То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. За окнами с песней проходит воинская часть.

А л е к с е й. Черт знает что такое! Каждую минуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи.

Е л е н а (из своей комнаты). Да!.. Да!..

А л е к с е й. Какая-то часть прошла.

Елена, выходя со свечой, прислушивается. Далекий пушечный удар.

Н и к о л к а. Как близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином стреляют. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе? Я бы съездил.

А л е к с е й. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник... Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

А л е к с е й. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Н и к о л к а. Понял. Виноват, господин полковник.

Электричество вспыхивает.

Е л е н а. Алеша, где же мой муж?

А л е к с е й. Приедет, Леночка.

Е л е н а. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уже не случилось ли с ним чего?

А л е к с е й. Леночка, ну, конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Е л е н а. Но почему же его до сих пор нет?

А л е к с е й. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Н и к о л к а. Революционная езда, Леночка. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! (Бежит открывать дверь.) Кто там?

Голос Мышлаевского. Открой, ради Бога, скорей!

Н и к о л к а (впускает Мышлаевского в переднюю). Да это ты, Витенька?

М ы ш л а е в с к и й. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот, дьяволова мать!

Е л е н а. Виктор, откуда ты?

М ы ш л а е в с к и й. Из-под Красного Трактира. Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Е л е н а. Ах, Боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

М ы ш л а е в с к и й. Ох... ох... ох...

А л е к с е й. Что же они, валенки вам не могли дать, что ли?

М ы ш л а е в с к и й. Валенки! Это такие мерзавцы! (Бросается к огню.)

Е л е н а. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. (Уходит.)

М ы ш л а е в с к и й. Голубчик, сними, сними, сними...

Н и к о л к а. Сейчас, сейчас. (Снимает с Мышлаевского сапоги.)

М ы ш л а е в с к и й. Легче, братик, ох, легче! Водки бы мне выпить, водочки.

А л е к с е й. Сейчас дам.

Н и к о л к а. Алеша, пальцы на ногах поморожены.

М ы ш л а е в с к и й. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.

А л е к с е й. Ну что ты! Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

М ы ш л а е в с к и й. Так я и позволил ноги водкой тереть. (Пьет.) Три рукой. Больно!.. Больно!.. Легче.

Н и к о л к а. Ой-ой-ой! Как замерз капитан!

Е л е н а (появляется с халатом и туфлями). Сейчас же в ванну его. На!

М ы ш л а е в с к и й. Дай тебе Бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (Пьет.)

Елена уходит.

Н и к о л к а. Что, согрелся, капитан?

М ы ш л а е в с к и й. Легче стало. (Закурил.)

Н и к о л к а. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

М ы ш л а е в с к и й. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

А л е к с е й. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали?

М ы ш л а е в с к и й. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички сочинения графа Льва Толстого!

Н и к о л к а. Да как же так? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: "Где же ваши хлопцы?" Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: "Уси побиглы до Петлюры..."

Н и к о л к а. Ой-ой-ой-ой...

М ы ш л а е в с к и й. Вот именно "ой-ой-ой-ой"... Взял я этого толстовского хрена за манишку и говорю: "Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... Ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегаешь в царство небесное".

А л е к с е й. Как же ты в город попал?

М ы ш л а е в с к и й. Сменили сегодня, слава тебе, Господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на посту устроил. Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командируем вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город... Алеша, возьми меня к себе.

А л е к с е й. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

М ы ш л а е в с к и й. Благодетель...

Н и к о л к а. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский – старшим офицером... Прелестно!..

М ы ш л а е в с к и й. Вы где стоите?

Н и к о л к а. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

М ы ш л а е в с к и й. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Н и к о л к а. Ну, это еще кто кого!

Е л е н а (появляется с простыней). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся. На простыню.

М ы ш л а е в с к и й. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

Е л е н а. Я думаю, что потом, за ужином, сразу. Виктор! Мужа ты моего не видел? Муж пропал.

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. (Уходит.)

Начинается непрерывный звонок.

Н и к о л к а. Ну вот он он! (Бежит в переднюю.)

А л е к с е й. Господи, что это за звонок?

Н и к о л к а отворяет дверь. Появляется в передней Л а р и о с и к с чемоданом и с узлом.

Л а р и о с и к. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Н и к о л к а. Это вы кнопку вдавили. (Выбегает за дверь, на лестницу.)

Л а р и о с и к. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (Входит в комнату.) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

А л е к с е й. Мое почтение.

Л а р и о с и к. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (Всем.) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Е л е н а. Какой неразборчивый почерк!

Л а р и о с и к. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (Читает.) "Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира..." Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (Николке.) И вас тоже. (Читает.) "Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями..." – ах уж эта мама!.. – "... невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет..." Гм... вот и все.

А л е к с е й. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Л а р и о с и к. Как с кем? Вы меня не знаете?

А л е к с е й. К сожалению, не имею удовольствия.

Л а р и о с и к. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Н и к о л к а. И я тоже не знаю.

Л а р и о с и к. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Н и к о л к а. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Е л е н а. Мы никакой телеграммы не получали.

Л а р и о с и к. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

А л е к с е й. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Л а р и о с и к. Ларион Ларионович Суржанский.

Е л е н а. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?

Л а р и о с и к. Ну да.

Е л е н а. И вы... к нам приехали?

Л а р и о с и к. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждете, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

Е л е н а. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

А л е к с е й. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Н и к о л к а. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

Е л е н а (шепотом). Алеша, что же мы с ним будем делать? Он симпатичный. Давай поместим его в библиотеке, все равно комната пустует.

А л е к с е й. Конечно, поди скажи ему.

Е л е н а. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну... Там уже есть один – капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Л а р и о с и к. Да-да, ужасно!.. Ужасно!.. Ведь от Житомира до Киева я ехал одиннадцать дней...

Н и к о л к а. Одиннадцать дней!.. Ой-ой-ой!..

Л а р и о с и к. Ужас, ужас!.. Это такой кошмар!

Е л е н а. Ну пожалуйста!

Л а р и о с и к. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

А л е к с е й. Почему вы не можете идти в ванну?

Л а р и о с и к. Извините меня, пожалуйста. Какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Е л е н а. Ну, это беда поправимая.

Н и к о л к а. Я дам, я дам!

Л а р и о с и к (интимно, Николке). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Н и к о л к а. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Е л е н а. Ларион Ларионович, мы вас поместим в библиотеке. Николка, проводи!

Н и к о л к а. Пожалуйте за мной.

Лариосик и Николка уходят.

А л е к с е й. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (Уходит.)

Звонок.

Е л е н а. Кто там?

Г о л о с Т а л ь б е р г а. Я, я. Открой, пожалуйста.

Е л е н а. Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!

Т а л ь б е р г (входя). Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Е л е н а. Где же ты был?

Т а л ь б е р г. В германском штабе задержали. Важные дела.

Е л е н а. Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить.

Т а л ь б е р г. Не надо чаю, Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Е л е н а. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций, совершенно замороженный.

Т а л ь б е р г. Все-таки можно прибрать.

Е л е н а. Я сейчас. (Вешает френч за дверь.) Ты знаешь, еще новость. Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик, Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Т а л ь б е р г. Я так и знал! Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоялый двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Е л е н а. Володя, ты просто устал и в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Т а л ь б е р г. Замечательно хороший! Трактирный завсегдатай.

Е л е н а. Володя!

Т а л ь б е р г. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена, закрой дверь... Лена, случилась ужасная вещь.

Е л е н а. Что такое?

Т а л ь б е р г. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Е л е н а. Володя, да что ты говоришь?! Откуда ты узнал?

Т а л ь б е р г. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Е л е н а. Что же теперь будет?

Т а л ь б е р г. Что теперь будет... Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет?.. Лена!

Е л е н а. Что ты говоришь?

Т а л ь б е р г. Я говорю: "Лена"!

Е л е н а. Ну что "Лена"?

Т а л ь б е р г. Лена, мне сейчас нужно бежать.

Е л е н а. Бежать? Куда?

Т а л ь б е р г. В Германию, в Берлин. Гм... Дорогая моя, ты представляешь, что будет со мной, если русская армия не отобьет Петлюру и он войдет в Киев?

Е л е н а. Тебя можно будет спрятать.

Т а л ь б е р г. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра. Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Е л е н а. Постой! Я не пойму... Значит, мы оба должны бежать?

Т а л ь б е р г. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться – в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Е л е н а. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Т а л ь б е р г. Дорогая моя, не "хочу", а иначе не могу! Пойми – катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Е л е н а. Через полтора часа? Как можно скорее? Тогда я решаю – уезжай.

Т а л ь б е р г. Ты умница. Я всегда это говорил. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Е л е н а. На сколько же времени мы расстаемся?

Т а л ь б е р г. Я думаю, месяца на два. Я только пережду в Берлине всю эту кутерьму, а когда гетман вернется...

Е л е н а. А если он совсем не вернется?

Т а л ь б е р г. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Е л е н а. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируют свои войска, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Т а л ь б е р г. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету – я бегу, потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Е л е н а. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Т а л ь б е р г. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не "все".

Е л е н а. Ты же предупреди братьев.

Т а л ь б е р г. Конечно, конечно. Отчасти я даже рад, что еду один на такой большой срок. Как-никак ты все-таки побережешь наши комнаты.

Е л е н а. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты думаешь, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права...

Т а л ь б е р г. О нет, нет, нет... Конечно, нет... Но ты же знаешь пословицу: "Qui va a la chasse, perd sa place"[1]. Теперь еще просьба, последняя. Здесь... гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Е л е н а. Он и при тебе бывает.

Т а л ь б е р г. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Е л е н а. Чем, позволь узнать?

Т а л ь б е р г. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

Е л е н а. Что желательно было бы тебе?

Т а л ь б е р г. Я не могу сказать тебе что. Ты женщина умная и прекрасно воспитана. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Е л е н а. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Т а л ь б е р г. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты можешь мне изменить. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Е л е н а. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что этого не может быть?..

Т а л ь б е р г. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама – изменить!.. Без четверти десять! Я опоздаю!

Е л е н а. Я сейчас тебе уложу...

Т а л ь б е р г. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради Бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Е л е н а. Ты же все-таки простись с братьями.

Т а л ь б е р г. Само собой разумеется, только смотри, я еду в командировку.

Е л е н а. Алеша! Алеша! (Убегает.)

А л е к с е й (входя). Да, да... А, здравствуй, Володя.

Т а л ь б е р г. Здравствуй, Алеша.

А л е к с е й. Что за суета?

Т а л ь б е р г. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Нынче ночью положение гетмана стало весьма серьезным.

А л е к с е й. Как?

Т а л ь б е р г. Серьезно и весьма.

А л е к с е й. В чем дело?

Т а л ь б е р г. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.

А л е к с е й. Что ты говоришь?!

Т а л ь б е р г. Очень может быть.

А л е к с е й. Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Т а л ь б е р г. Теперь второе. Так как я сейчас еду в командировку...

А л е к с е й. Куда, если не секрет?

Т а л ь б е р г. В Берлин.

А л е к с е й. Куда? В Берлин?

Т а л ь б е р г. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие!

А л е к с е й. Надолго, смею спросить?

Т а л ь б е р г. На два месяца.

А л е к с е й. Ах вот как.

Т а л ь б е р г. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. (Протягивает руку.)

Алексей прячет руку за спину.

Что это значит?

А л е к с е й. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Т а л ь б е р г. Полковник Турбин!

А л е к с е й. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Т а л ь б е р г. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены!

А л е к с е й. А когда прикажете, господин Тальберг?

Т а л ь б е р г. Когда... Без пяти десять... Когда я вернусь.

А л е к с е й. Ну, Бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Т а л ь б е р г. Вы... вы... Я давно уже хотел поговорить с вами.

А л е к с е й. Жену не волновать, господин Тальберг!

Е л е н а (входя). О чем вы говорили?

А л е к с е й. Ничего, ничего, Леночка!

Т а л ь б е р г. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

А л е к с е й. До свидания, Володя!

Е л е н а. Николка! Николка!

Н и к о л к а (входя). Вот он я. Ох, приехал?

Е л е н а. Володя уезжает в командировку. Простись с ним.

Т а л ь б е р г. До свидания, Никол.

Н и к о л к а. Счастливого пути, господин полковник.

Т а л ь б е р г. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно вышлю. Честь имею кланяться. (Стремительно идет в переднюю.) Не провожай меня, дорогая, ты простудишься. (Уходит.)

Елена идет за ним.

А л е к с е й (неприятным голосом). Елена, ты простудишься!

Пауза.

Н и к о л к а. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

А л е к с е й. В Берлин.

Н и к о л к а. В Берлин... В такой момент... (Смотря в окно.) С извозчиком торгуется. (Философски.) Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

А л е к с е й (машинально). Совершенно верно, Никол. А дом наш – на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. "Весьма серьезно". "Серьезно и весьма". Крыса! (Уходит.)

Е л е н а (возвращается из передней. Смотрит в окно). Уехал...

Картина вторая

Накрыт стол для ужина.

Е л е н а (у рояля, берет один и тот же аккорд). Уехал. Как уехал...

Ш е р в и н с к и й (внезапно появляется на пороге). Кто уехал?

Е л е н а. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Ш е р в и н с к и й. Да у вас дверь открыта – все настежь. Здравия желаю, Елена Васильевна. (Вынимает из бумаги громадный букет.)

Е л е н а. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Ш е р в и н с к и й. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Е л е н а. А если б я сказала, что не разрешаю?

Ш е р в и н с к и й. Я просидел бы всю ночь в бурке у ваших ног.

Е л е н а. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Ш е р в и н с к и й. Виноват, это гвардейский комплимент. (Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.) Я так рад, что вас увидел! Я так давно вас не видел!

Е л е н а. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Ш е р в и н с к и й. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время "вчера"! Итак, кто же уехал?

Е л е н а. Владимир Робертович.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться!

Е л е н а. Да, он вернулся и... опять уехал.

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. Какие дивные розы!

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. В Берлин.

Ш е р в и н с к и й. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Е л е н а. Месяца на два.

Ш е р в и н с к и й. На два месяца! Да что вы!.. Печально, печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!!

Е л е н а. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Ш е р в и н с к и й. Я, можно сказать, подавлен... Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Г о л о с Н и к о л к и. Шервинский! Демона!

Е л е н а. Чему вы так бурно радуетесь?

Ш е р в и н с к и й. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Е л е н а. Вы не светский человек, Шервинский.

Ш е р в и н с к и й. Я не светский человек? Позвольте, почему же? Нет, я светский... Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Е л е н а. Как видите. Как ваш голос?

Ш е р в и н с к и й (у рояля). Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко, он не узнает... Да... В бесподобном голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю – оказывается, в голосе.

Е л е н а. Ноты захватили?

Ш е р в и н с к и й. Ну как же, как же... Вы чистой воды богиня!

Е л е н а. Единственно, что в вас есть хорошего, – это голос, и прямое ваше назначение – это оперная карьера.

Ш е р в и н с к и й. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху "фа", как вам известно, а я взял "ля" и держал девять тактов.

Е л е н а. Сколько?

Ш е р в и н с к и й. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-Богу! Там была графиня Гендрикова... Она влюбилась в меня после этого "ля".

Е л е н а. И что же было потом?

Ш е р в и н с к и й. Отравилась. Цианистым калием.

Е л е н а. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово. Господа, Шервинский! Идите к столу!

Входят А л е к с е й, С т у д з и н с к и й и М ы ш л а е в с к и й.

А л е к с е й. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Ш е р в и н с к и й. Виктор! Жив! Ну, слава Богу! Почему ты в чалме?

М ы ш л а е в с к и й (в чалме из полотенца). Здравствуй, адъютант.

Ш е р в и н с к и й (Студзинскому). Мое почтение, капитан.

Входят Л а р и о с и к и Н и к о л к а.

М ы ш л а е в с к и й. Позвольте вас познакомить. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Н и к о л к а. Кузен наш из Житомира.

С т у д з и н с к и й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Душевно рад познакомиться.

Ш е р в и н с к и й. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский.

Л а р и о с и к. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

М ы ш л а е в с к и й. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Е л е н а. Господа, идите к столу.

А л е к с е й. Да-да, пожалуйста, а то двенадцать часов, завтра рано вставать.

Ш е р в и н с к и й. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Н и к о л к а. Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик...

Ш е р в и н с к и й. Ага...

С т у д з и н с к и й. Где прикажете, господин полковник?

Ш е р в и н с к и й. Где прикажете?

А л е к с е й. Где угодно, где угодно. Прошу вас! Леночка, будь хозяйкой.

Усаживаются.

Ш е р в и н с к и й. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Е л е н а. Шервинский, замолчите.

М ы ш л а е в с к и й. Леночка, водки выпьешь?

Е л е н а. Нет-нет-нет!..

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тогда белого вина.

С т у д з и н с к и й. Вам позволите, господин полковник?

А л е к с е й. Мерси, вы, пожалуйста, себе.

М ы ш л а е в с к и й. Вашу рюмку.

Л а р и о с и к. Я, собственно, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

М ы ш л а е в с к и й. Давно, давно я водки не пил.

Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура!

С т у д з и н с к и й, Л а р и о с и к, М ы ш л е в с к и й. Ура!

Е л е н а. Тише! Что вы, господа! Весь переулок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка.

М ы ш л а е в с к и й. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Л а р и о с и к. Да, очень!

М ы ш л а е в с к и й. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник…

А л е к с е й. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Н и к о л к а. И выступим!

Е л е н а. Что с гетманом, скажите?

С т у д з и н с к и й. Да-да, что с гетманом?

Ш е р в и н с к и й. Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме.

Е л е н а. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Не верьте никаким слухам, Елена Васильевна.

Л а р и о с и к. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович. Я ведь, собственно говоря, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й (выпивая). Стыдитесь, Ларион!

Ш е р в и н с к и й, Н и к о л к а. Стыдитесь!

Л а р и о с и к. Покорнейше благодарю.

А л е к с е й. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник! Я – белого вина.

Л а р и о с и к. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

М ы ш л а е в с к и й. Достигается упражнением.

А л е к с е й. Спасибо, капитан. А салату?

С т у д з и н с к и й. Покорнейше благодарю.

М ы ш л а е в с к и й. Лена золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Ш е р в и н с к и й. Все к лучшему.

М ы ш л а е в с к и й. Нет-нет, до дна, Леночка, до дна!

Н и к о л к а (берет гитару, поет). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

В с е (поют). Свет Елене Васильевне!

Леночка, выпейте!

Выпейте... выпейте...

Елена пьет.

Браво!!!

Аплодируют.

М ы ш л а е в с к и й. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-Богу. И капот этот идет тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Е л е н а. Это платье, Витенька, и не зеленое, а серое.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна очень красивая. Ваше здоровье!

М ы ш л а е в с к и й. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Ш е р в и н с к и й. Ну, ну, Виктор, Виктор!..

М ы ш л а е в с к и й. Леонид, отойди. От чужой, мужней жены отойди!

Ш е р в и н с к и й. Позволь...

М ы ш л а е в с к и й. Мне можно, я друг детства.

Ш е р в и н с к и й. Свинья ты, а не друг детства...

Н и к о л к а (вставая). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Л а р и о с и к. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

М ы ш л а е в с к и й. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Л а р и о с и к. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Е л е н а. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Многоуважаемый Алексей Васильевич... Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо!..

А л е к с е й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

М ы ш л а е в с к и й. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Л а р и о с и к. Я? Да... пишу.

М ы ш л а е в с к и й. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Л а р и о с и к. Пожалуйста... Кремовые шторы... Они отделяют нас от всего мира... Впрочем, я человек не военный... Эх!.. Налейте мне еще рюмочку.

М ы ш л а е в с к и й. Браво, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил – не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Л а р и о с и к. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды... в обществе сослуживцев моего покойного папы... в Житомире... Ну, там податные инспектора... Они меня тоже... ох как ругали!

М ы ш л а е в с к и й. Податные инспектора – известные звери.

Ш е р в и н с к и й. Пейте, Лена, пейте, дорогая!

Е л е н а. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Н и к о л к а (у рояля, поет).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною?

И скоро ль на радость соседей-врагов

Могильной засыплюсь землею?

Л а р и о с и к (поет).

Так громче, музыка, играй победу.

В с е (поют).

Мы победили, и враг бежит.

Так за...

Л а р и о с и к. Царя...

А л е к с е й. Что вы, что вы!

В с е (поют фразу без слов).

. . . . . .

Мы грянем громкое "Ура! Ура! Ура!".

Н и к о л к а (поет).

Из темного леса навстречу ему...

Все поют.

Л а р и о с и к. Эх! До чего у вас весело, Елена Васильевна, дорогая! Огни!.. Ура!

Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины. Ура!

Пауза.

С т у д з и н с к и й. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Ш е р в и н с к и й. Господин капитан!

Л а р и о с и к. Совершенно неожиданное происшествие.

М ы ш л а е в с к и й (пьян). Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. (Пьет.)

С т у д з и н с к и й. Господин полковник, вы тост одобряете?

А л е к с е й. Нет, не одобряю!

Ш е р в и н с к и й. Господин полковник, позвольте, я скажу!

С т у д з и н с к и й. Нет, уж позвольте, я скажу!

Л а р и о с и к. Нет, уж позвольте, я скажу! Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

М ы ш л а е в с к и й. Во! Угадал, Ларион! Лучше – трудно.

Н и к о л к а (поет).

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Л а р и о с и к. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Е л е н а. Ничего, ничего, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите ко мне сюда.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна! Ах, Боже мой, красное вино!..

Н и к о л к а. Солью, солью посыплем... ничего.

С т у д з и н с к и й. Этот ваш гетман!..

А л е к с е й. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Ш е р в и н с к и й. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

А л е к с е й. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: "Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью". А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его забери. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава. Нуте-с, великолепно! Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет!.. Отлично-с! А вот глянул я вчера на них, и, даю вам слово чести, в первый раз дрогнуло мое сердце.

М ы ш л а е в с к и й. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

А л е к с е й. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров – сто двадцать студентов, и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Е л е н а. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Н и к о л к а. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

А л е к с е й. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, это черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте в окно, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я... Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас. Пью за встречу, господа!

Л а р и о с и к (за роялем, поет).

Жажда встречи,

Клятвы, речи —

Все на свете

Трын-трава...

Н и к о л к а. Здорово, Ларион! (Поет.)

Жажда встречи,

Клятвы, речи...

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Е л е н а. Лариосик, что с вами?

Н и к о л к а. Ларион!

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Л а р и о с и к (пьян). Я испугался.

М ы ш л а е в с к и й. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (Берет маузер.)

Е л е н а. Виктор, что ты делаешь?!

М ы ш л а е в с к и й. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар?

Ш е р в и н с к и й. Маузер заряжен, господа!!

С т у д з и н с к и й. Капитан, сядь сию минуту!

Е л е н а. Господа, отнимите у него!

Отнимает маузер. Лариосик уходит.

А л е к с е й. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

М ы ш л а е в с к и й. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи! Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Е л е н а. Виктор, не пей больше!

М ы ш л а е в с к и й. Молчи, комиссарша!

Ш е р в и н с к и й. Боже, как нализался!

А л е к с е й. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

С т у д з и н с к и й. О нет, господин полковник. Поверьте, что мы понимаем и что мы разделяем все, что вы сказали. Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Н и к о л к а. Да здравствует Россия!

Ш е р в и н с к и й. Позвольте слово! Вы меня не поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича…

М ы ш л а е в с к и й. Какого Александровича? А говорит, я нализался.

Н и к о л к а. Император убит…

Ш е р в и н с к и й. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

М ы ш л а е в с к и й. Несколько преувеличено.

С т у д з и н с к и й. Виктор, ты офицер!

Е л е н а. Дайте же сказать ему, господа!

Ш е р в и н с к и й. ...вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: "А о дальнейшем с вами будет говорить..." – портьера раздвинулась, и вышел наш государь.

Входит Л а р и о с и к.

Он сказал: "Господа офицеры, поезжайте на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!" И прослезился.

С т у д з и н с к и й. Убит он! Е л е н а. Шервинский! Это правда?

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна!

А л е к с е й. Поручик, это легенда! Я уже слышал эту историю.

Н и к о л к а. Все равно. Пусть император мертв, да здравствует император! Ура!.. Гимн! Шервинский! Гимн! (Поет.) Боже, царя храни!..

Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, М ы ш л е в с к и й. Боже, царя храни!

Л а р и о с и к (поет). Сильный, державный...

Н и к о л к а, С т у д з и н с к и й, Ш е р в и н с к и й. Царствуй на славу...

Е л е н а, А л е к с е й. Господа, что вы! Не нужно этого!

М ы ш л а е в с к и й (плачет). Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: "Войны не надо!" Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой!.. Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... забыл, как его... с бакенбардами, симпатичный, дай, думает, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев, Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Е л е н а. Ему плохо!

Н и к о л к а. Капитану плохо!

А л е к с е й. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Е л е н а. Я пойду посмотрю, что с ним.

Ш е р в и н с к и й (загородив дверь). Не надо, Лена!

Е л е н а. Господа, господа, ведь нужно же так... Хаос... Накурили... Лариосик-то, Лариосик!..

Ш е р в и н с к и й. Что вы, что вы, не будите его!

Е л е н а. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Ш е р в и н с к и й. Вот сюда, сюда... Вы мне разрешите... возле вас?

Е л е н а. Садитесь... Шервинский, что с нами будет? Чем же все это кончится? А?.. Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте...

Е л е н а. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Ш е р в и н с к и й. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Е л е н а. Кто?

Ш е р в и н с к и й. Ваш муж.

Е л е н а. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Ш е р в и н с к и й. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Е л е н а. Слышала. И все вы сочиняете.

Ш е р в и н с к и й. Ей-Богу, я вас люблю.

Е л е н а. Ну и любите про себя.

Ш е р в и н с к и й. Не хочу, мне надоело.

Е л е н а. Постойте, постойте. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Ш е р в и н с к и й. Потому что он на крысу похож.

Е л е н а. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож.

Ш е р в и н с к и й. Как две капли. Пенсне, носик острый…

Е л е н а. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Ш е р в и н с к и й. Какая вы ему жена!

Е л е н а. То есть как?

Ш е р в и н с к и й. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно на рояле. А он рядом с вами – вешалка, карьерист, штабной момент.

Е л е н а. За глаза-то! Отлично! (Зажимает ему рот.)

Ш е р в и н с к и й. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Е л е н а. С кем же я буду счастлива?

Ш е р в и н с к и й. Со мной.

Е л е н а. Вы не годитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ого-го!.. Почему это я не гожусь?

Е л е н а. Что в вас есть хорошего?

Ш е р в и н с к и й. Да вы всмотритесь.

Е л е н а. Ну побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И голос. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Так я и знал! Что за несчастье! Все твердят одно и то же: Шервинский – адъютант, Шервинский – певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. И живет Шервинский как бездомная собака, и не к кому Шервинскому на грудь голову склонить.

Е л е н а (отталкивает его голову). Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной. Фу, губы накрашенные...

Ш е р в и н с к и й. Она не длинная. Это меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-Богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны, Лена.

Е л е н а. Я вам не Лена!

Ш е р в и н с к и й. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Вообще у вас нет никакого чувства ко мне.

Е л е н а. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ага! Нравлюсь. А мужа своего вы не любите.

Е л е н а. Нет, люблю.

Ш е р в и н с к и й. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. Я видал женские глаза. В них все видно.

Е л е н а. Ну да, вы опытны, конечно.

Ш е р в и н с к и й. Как он уехал?!

Е л е н а. И вы бы так сделали.

Ш е р в и н с к и й. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Е л е н а. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Ш е р в и н с к и й. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

Е л е н а. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Ш е р в и н с к и й. Я лгу?.. А у рояля? Я пел: "Бога всесильного"... и мы были одни. И даже скажу когда – восьмого ноября. Мы были одни, и ты поцеловала в губы.

Е л е н а. Я тебя за голос поцеловала. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Ничего?

Е л е н а. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

Ш е р в и н с к и й. Свет мы уберем. (Тушит верхний свет.) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

Е л е н а. Пристал, как змея... как змея.

Ш е р в и н с к и й. Какая же я змея?

Е л е н а. Пользуется каждым случаем и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я из-за тебя ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Ш е р в и н с к и й. Лена, до чего ты хороша!

Е л е н а. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Ш е р в и н с к и й. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Е л е н а. Выпустите меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Ш е р в и н с к и й. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня... Лена!

Целуются.

Разведешься?

Е л е н а. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Л а р и о с и к (внезапно). Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Е л е н а. Пустите меня! Боже мой! (Убегает.)

Л а р и о с и к. Ох!..

Ш е р в и н с к и й. Молодой человек, вы ничего не видали!

Л а р и о с и к (мутно). Нет, видал.

Ш е р в и н с к и й. То есть как?

Л а р и о с и к. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Не трогай!.. Ой!..

Ш е р в и н с к и й. Я с вами не играл.

Л а р и о с и к. Нет, ты играл.

Ш е р в и н с к и й. Боже, как нарезался!

Л а р и о с и к. Вот посмотрим, что мама вам скажет, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя. (Падает на грудь Шервинскому.)

Ш е р в и н с к и й. Как надрался!

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

Действие второе

Картина первая

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон. На стене огромная карта в раме. Ночь. Кабинет ярко освещен.

Дверь отворяется, и камер-лакей впускает Шервинского.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Федор.

Л а к е й. Здравия желаю, господин поручик.

Ш е р в и н с к и й. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Л а к е й. Его сиятельство князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. А где же он?

Л а к е й. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Ш е р в и н с к и й. Как это так? И аппараты полчаса стояли без дежурного?

Л а к е й. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Ш е р в и н с к и й. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент! Черт знает что такое!

Л а к е й. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не придете, я бы записывал.

Ш е р в и н с к и й. Вы? Записывать военные телефонограммы?!.. Да что у него, размягчение мозга? А, понял, понял! Он заболел?

Л а к е й. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.

Ш е р в и н с к и й. То есть как это – вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Л а к е й. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал.

Ш е р в и н с к и й. Какую газету?

Л а к е й. Я же докладываю, господин поручик: во вчерашний номер они мыло завернули.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, да вот же его шашка!

Л а к е й. Да они в штатском уехали.

Ш е р в и н с к и й. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? Что-нибудь приказал передать?

Л а к е й. Приказали кланяться.

Ш е р в и н с к и й. Вы свободны, Федор.

Л а к е й. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

Ш е р в и н с к и й. Нуте-с?

Л а к е й. Они изволили неприятное известие получить.

Ш е р в и н с к и й. Откуда? Из дому?

Л а к е й. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Ш е р в и н с к и й. Я надеюсь, Федор, что вас не касается окраска лица адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Л а к е й. Прошу извинить, господин поручик. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (говорит по телефону на гетманском столе). 12-23... Мерси... Это квартира князя Новожильцева?.. Попросите Сергея Николаевича... Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца... Постой, Сережа, да это твой голос!.. Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (Пауза.) Шервинский, Шервинский... (Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.) Штаб Святошинского отряда... Попросите начштаба... Как – его нет? Помощника... Штаб Святошинского отряда?.. Что за чертовщина!.. (Садится за стол, звонит.)

Входит к а м е р-л а к е й.

(Пишет записку.) Федор, сейчас же эту записку передайте вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез

его сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Л а к е й. Слушаю. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (трогает баки, задумчиво). Что за чертовщина, честное слово!

На столе звонит телефон.

Я слушаю... Да. Личный адъютант его светлости поручик Шервинский... Здравия желаю, ваше превосходительство... Как-с? (Пауза.) Болботун?!.. Как, со всем штабом?.. Слушаю!.. Так-с, передам... Слушаю, ваше превосходительство... Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. (Вешает трубку.)

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! (Свистит.)

За сценой глухая команда: "Смирно!" – потом многоголосый крик караула: "Здравия желаем, ваша светлость!"

Л а к е й (открывает обе половинки двери). Его светлость!

Входит г е т м а н. Он в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова, лет сорока пяти.

Г е т м а н. Здравствуйте, поручик.

Ш е р в и н с к и й. Здравия желаю, ваша светлость.

Г е т м а н. Приехали?

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь спросить – кто?

Г е т м а н. Как это – кто? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Ш е р в и н с к и й. Не могу знать. Никто не прибыл.

Г е т м а н. Вечно опаздывают. Сводку мне за последний час. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

Г е т м а н. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Ш е р в и н с к и й. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... князь...(В сторону.) Черт его знает, как "князь" по-украински!.. Черт! (Вслух.) Новожильцев, временно исполняющий обязанности... Я думаю... думаю... думоваю...

Г е т м а н. Говорите по-русски!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю, ваша светлость. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной, очевидно, внезапно заболел и отбыл домой еще до моего прибытия...

Г е т м а н. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? То есть как это – отбыл с дежурства? Значит, бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? (Звонит по телефону.) Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту.

Ш е р в и н с к и й (в сторону). Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Г е т м а н (по телефону). Зараз! (Шервинскому.) Ну а запись он оставил?

Ш е р в и н с к и й. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Г е т м а н. Да что ж он? Спятил? Рехнулся? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне! То же самое начгарнизона и всех командиров полков. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Г е т м а н. Какое там еще известие?

Ш е р в и н с к и й. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Г е т м а н. Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Ш е р в и н с к и й. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт, и конница Болботуна пошла в прорыв...

Г е т м а н. Болботуна?.. Где?..

Ш е р в и н с к и й. За Слободкой, в десяти верстах.

Г е т м а н. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту Пожаловать ко мне. Живо, голубчик, живо!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю. (По телефону.) Третий. Seien Sie bitte so liebenswurdig, Herr Major fon Dust an den Apparat zu bitten.

Стук в дверь.

Ja... Ja...[2]

Г е т м а н. Войдите, да.

Л а к е й. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

Г е т м а н. Просить сюда сейчас же. (Шервинскому.) Отставить.

Лакей впускает ф о н Ш р а т т а и ф о н Д у с та. Оба в серой форме. Шратт – длиннолицый, седой. Дуст – с багровым лицом.

Оба в моноклях.

Ш р а т т. Wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu begrussen[3].

Г е т м а н. Sehr erfreut, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.

Немцы усаживаются.

Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage unserer Armee erhalten[4].

Ш р а т т. Das ist uns schon langere Zeit bekannt[5].

Г е т м а н (Шервинскому). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Ш е р в и н с к и й. По-русски разрешите, ваша светлость?

Г е т м а н. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Ш р а т т (с резким акцентом). О да! С большим удовольствием.

Г е т м а н. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования

позорно бежал. Das ist ja unerhort![6] (Пауза.) Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

Ш р а т т. С зожалени, германски командование не может такое сделайть.

Г е т м а н. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Ш р а т т. Physisch unmoglich! Физически невозможно есть. Erstens, во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тисч войск, великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уводит их в Германии.

Ш е р в и н с к и й (в сторону). Мерзавцы!

Ш р а т т. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Zweitens, во-вторых, вся Украина оказывает на стороне Петлюры.

Г е т м а н. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с.

Ш р а т т. Ничего не имейт протиф. Подчеркнить. Таким образом, остановить Петлюру невозможо есть.

Г е т м а н. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Ш р а т т. Ниэт, ми командированы брать мери к спасению вашей светлости.

Г е т м а н. Какие же меры командование предлагает?

Ш р а т т. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Сейчас вагон и nach Германия.

Г е т м а н. Простите, я ничего не понимаю. Как же так?.. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Ш р а т т. Точно так.

Г е т м а н. Без согласия со мной? (Волнуясь.) Я не согласен. Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать Киев своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

Ш р а т т. Правительство Англии! Правительство Франции!! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Г е т м а н. Это угроза, генерал?

Ш р а т т. Предупреждение, ваша светлость. В распоряжении вашей светлости никаких вооруженных сил нет. Положение катастрофическое...

Д у с т (тихо Шратту). Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir mussen...[7]

Ш р а т т. Ja-ja... Ваша светлость, позвольте сказать последнее: мы сейчас перехватали сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И завтра утром она войдет...

Г е т м а н. Я узнаю об этом последний!

Ш р а т т. Ваша светлость, вы знаете, что будет с вами случае взятия вас в плен? На вашей светлости есть приговор. Он есть весьма печален.

Г е т м а н. Какой приговор?

Ш р а т т. Прошу извинения у вашей светлости. (Пауза.) Повиэсить. (Пауза.) Ваша светлость, я попросил бы ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность за жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Г е т м а н. Я еду!

Ш р а т т. Ах, едете? (Дусту.) Будьте любезны, дествовать тайно и без всяки шум.

Д у с т. О, никакой шум! (Стреляет из револьвера в потолок два раза.)

Шервинский растерян.

Г е т м а н (берясь за револьвер). Что это значит?

Ш р а т т. О, будьте спокойны, ваша светлость. (Скрывается в портьере правой двери.)

За сценой гул, крики: "Караул, в ружье!" Топот.

Д у с т (открывая среднюю дверь). Ruhig![8] Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: "Гетман! Где гетман?"

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

Г е т м а н (в средних дверях). Все спокойно, прекратите тревогу.

Д у с т (в дверях). Прошу, пропускайте врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит в р а ч германской армии с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

Ш р а т т (выходя из-за портьеры). Ваша светлость, прошу переодеваться в германский униформ, как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно вывезем из города, чтобы никто не знал, чтобы не вызвать возмущения караул.

Г е т м а н. Делайте как хотите.

Звонок по полевому телефону.

Поручик, к аппарату!

Ш е р в и н с к и й. Кабинет его светлости... Как?.. Что?.. (Гетману.) Ваша светлость, два полка сердюков перешли на сторону Петлюры... На обнаженном участке появилась неприятельская конница. Ваша светлость, что передать?

Г е т м а н. Что передать? Передайте, чтобы задержали конницу ну хотя бы на полчаса! Я же должен уехать! Я дам им бронемашины!

Ш е р в и н с к и й (по телефону). Вы слушаете?.. Задержитесь на полчаса хотя бы! Его светлость даст вам бронемашины!

Д у с т (вынимая из ящика германскую форму). Ваша светлость! Где угодно?

Г е т м а н. В спальне.

Гетман и Дуст уходят направо.

Ш е р в и н с к и й (у авансцены). Бежать, что ли? Поедет Елена или не поедет? (Решительно, Шратту.) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Ш р а т т. С сожалением, поручик, не только ваша невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехайть, отправляйтесь станцию наш штабной поезд. Предупреждаю – никаких мест нет, там уж есть личный адъютант.

Ш е р в и н с к и й. Кто?

Ш р а т т. Как его... Князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. Новожильцев! Да когда же он успел?

Ш р а т т. Когда бывает катастрофа, каждый стает проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Ш е р в и н с к и й. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Ш р а т т. О ниэт! Гетман будет один. Никакая свита. Мы только довезем до границ тех, кто желает спасать своя шея от ваш мужик, а там каждый как желает.

Ш е р в и н с к и й. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Ш р а т т. Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. Heimat ist Heimat[9].

Входят г е т м а н и Д у с т. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Г е т м а н. Поручик, все бумаги здесь сжечь.

Д у с т. Herr Doctor, seien Sie so liebenswurdig...[10] Ваша светлость, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

В р а ч. Fertig[11].

Ш р а т т (Дусту). Машину!

Д у с т. Sogleich[12].

Ш р а т т. Ваша светлость, ложитесь.

Г е т м а н. Но ведь нужно же объявить об этом народу... Манифест?..

Ш р а т т. Манифест!.. Пожалюй...

Г е т м а н (глухо). Поручик, пишите... Бог не дал мне силы... и я...

Д у с т. Манифест... Нет никакой времени манифест... Из поезда телеграммой...

Г е т м а н. Отставить!

Д у с т. Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на носилки. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Ш р а т т.

Ш р а т т. Все в порядке. (Смотрит на часы-браслет.) Один час ночи. (Надевает кепи и плащ.) До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы можете покойно расходиться. Снимайте погоны. (Прислушивается.) Слышите?

Ш е р в и н с к и й. Беглый огонь.

Ш р а т т. Именно. Каламбур! "Беглый"! Пропуск на боковой ход имеете?

Ш е р в и н с к и й. Так точно.

Ш р а т т. Auf Wiedersehen[13]. Спешите. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (подавлен). Чистая немецкая работа. (Внезапно оживает.) Нуте-с, времени нету. Нету, нету... нету... (У стола.) О, портсигар! Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (Прячет портсигар в карман.) Нуте-с... (За столом.) Бумаг мы никаких

палить не будем, за исключением адъютантского списка. (Сжигает бумаги.) Свинья я или не свинья? Нет, я не свинья. (По телефону.) 14-53... Да... Дивизион?.. Командира к телефону! Срочно!.. Разбудить! (Пауза.) Полковник Турбин?.. Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал... Драпанул!.. Серьезно говорю... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. (Дает отбой.) И совесть моя чиста и спокойна... Федор!

Входит к а м е р – л а к е й.

Вестовой привез сверточек?

Л а к е й. Так точно.

Ш е р в и н с к и й. Скорей дайте его сюда!

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Л а к е й (растерян). Позвольте узнать, что с их светлостью?

Ш е р в и н с к и й. Что это за вопрос? Гетман изволит почивать. И вообще молчите. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское...

Л а к е й. Так-с.

Ш е р в и н с к и й. Федор, принесите мне из адъютантской комнаты мое полотенце, бритву и мыло.

Л а к е й. Слушаю. Газету прикажете?

Ш е р в и н с к и й. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Л а к е й. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Ш е р в и н с к и й. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Л а к е й. Покорнейше благодарю.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре, Федор! Я во дворце никогда не был, адъютантом никогда не служил.

Л а к е й. Понятно.

Ш е р в и н с к и й. Вас не знаю. Вообще я оперный артист...

Л а к е й. Неужто ходу дал?

Ш е р в и н с к и й. Смылся.

Л а к е й. Ах, прощелыга!

Ш е р в и н с к и й. Бандит неописуемый!

Л а к е й. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, а каково мне?

Звонок телефона.

Слушаю... А! Капитан!.. Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите... Значит, знаю, что говорю... Шервинский... Всего хорошего. До свидания!.. Дорогой Федор, как ни приятно мне беседовать с вами, но вы сами видите, что у меня времени нет никакого... Федор, пока я у власти, дарю вам этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. (Исчезает.)

Пауза. Звонок телефона.

Л а к е й. Слушаю... Чем же я вам могу помочь?.. Знаете что? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

Картина вторая

Пустое, мрачное помещение. Надпись: "Штаб 1-й кинной дивизии". Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника знакомые мотивы.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Це я, Франько, вновь включився в цепь... В цепь, кажу!.. Слухаете?.. Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и Кирпатый вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

Б о л б о т у н. Що такое?

У р а г а н. Дезертира поймали, пан полковник.

Б о л б о т у н. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Т е л е ф о н и с т. Та це ж я! Я из штабу, Франько, включився в цепь! Це штаб кинной дивизии!.. Слухаете?.. Тьфу ты, черт!..

Б о л б о т у н. Що ж ты, Бога душу твою мать! А? Що ж ты... У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украиньской республики вид белогвардейцив та жидив-коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украиньской армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманьские офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывают! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: "Сотника требуют к полковнику!" Суета.

Де ж вы его взяли?..

К и р п а т ы й. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!..

Б о л б о т у н. Ах ты, зараза, зараза!

Входит Г а л а н ь б а, холоден, черен, с черным штыком.

Допросить, пан сотник, дезертира... Франько, диспозицию! Не ковыряй аппарат!

Т е л е ф о н и с т. Зараз, пан полковник, зараз! Що з ним зробишь? "Не ковыряй..."

Г а л а н ь б а (с холодным лицом). Якого полку?

Молчание.

Якого полку?

Д е з е р т и р (плача). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету пробырався. У меня ноги поморожены зовсим.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Де же диспозиция?.. Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию... Вы слухаете?.. Что ты будешь робить с этим аппаратом!

Г а л а н ь б а. Ноги поморожены? А чому же це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (Замахивается.)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Д е з е р т и р. Второго сечевого.

Г а л а н ь б а. Знаем вас, сечевиков. Вси зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Пришлить нам ординарца для согласования... В Слободку!.. Так!.. Так!.. Слухаю!.. Грицько! Хай ординарец захватит диспозицию для нашего штабу. Добре?.. Пан полковник, диспозиция зараз буде...

Б о л б о т у н. Добре...

Г а л а н ь б а (вынув маузер). И вот тебе условие: ноги здоровые – будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Б о л б о т у н. Це правильно. Щоб другим був пример.

Фонарем освещают дезертира.

К и р п а т ы й (со вздохом). Поморожены... Правду казав.

Г а л а н ь б а. Записку треба було узять. Записку, мразь! А не бежать из полка...

Д е з е р т и р. Нема у кого записку взять. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (Плачет.)

Г а л а н ь б а. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

У р а г а н (выводя). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: "Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь – не воротишься..." Тревожные голоса за окном: "Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду..."

Г а л а н ь б а (в окно). Хлопцы, що там? Що?

Голос: "Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки".

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскочить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Б о л б о т у н. Франько, держи связь!

Т е л е ф о н и с т. Держу, пан полковник, во как держу!

Топот за сценой. Появляется У р а г а н, вводит человека с корзиной.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Миленькие, я ж ничего. Что вы!.. Я ремесленник...

Г а л а н ь б а. С чем задержали?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Помилуйте, товарищ военный...

Г а л а н ь б а. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Виноват, господин военный.

Г а л а н ь б а. Я тебе не господин. Господа все с гетманом в городе сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай ему, тебе близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Вижу.

Г а л а н ь б а. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здается, що вин коммунист.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Б о л б о т у н. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Г а л а н ь б а. Документ!

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Г а л а н ь б а. С чем корзина? Куда шел?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Г а л а н ь б а. Почему ночью?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Б о л б о т у н. Сапоги... Ого-го... це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Б о л б о т у н. Из хозяйского! Це наикраще. Хозяйский товар – хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Б о л б о т у н. Мы тебе расписку дадим.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Помилуйте, что ж мне расписка? (Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.) Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо.

(Садится на землю, растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите! Это значит – на снабжение армии?.. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. (Начинает снимать сапоги.)

Т е л е ф о н и с т. Дивись, пан полковник, что вин робит?

Б о л б о т у н. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. (Берется за револьвер.)

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Что вы! Что вы! Что вы!..

Б о л б о т у н. Геть отсюда!

Человек с корзиной бросается к двери.

В с е. Покорно благодарим, пан полковник!

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник! В штаб пришли ходоки от двух гетьманских сердюкских полкив. Батько веде с ними переговоры о переходе на нашу сторону.

Б о л б о т у н. Слава! Як ти полки будут з нами, то Киев наш.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Грицько! А у нас сапоги новые!.. Так... так... Слухаю, слухаю... Слава! Слава, пан полковник, пожалуйте швидче до аппарату.

Б о л б о т у н (по телефону). Командир першей кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слухаю... Так... Так... Выезжаю зараз. (Галаньбе.) Пан сотник, прикажите швидче, вси четыре полка на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

У р а г а н, К и р п а т ы й. Наступление?

Суета.

Г а л а н ь б а (в окно). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: "Ура!" Галаньба убегает.

Б о л б о т у н. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

У р а г а н. Коня командиру!

Г о л о с а. Перший курень, рысью марш!

Другой курень, рысью марш!..

За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая...

Занавес

Действие третье

Картина первая

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Н и к о л к а (за сценой запевает на нелепый мотив солдатской песни).

Дышала ночь восторгом сладострастья,

Неясных дум и трепета полна.

Свист.

Ю н к е р а (оглушительно поют).

Я вас ждала с безумной жаждой счастья,

Я вас ждала и млела у окна.

Свист.

Н и к о л к а (поет).

Наш уголок я убрала цветами...

С т у д з и н с к и й (на площадке лестницы). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея! На месте! Шагом марш!

Дивизион марширует за сценой.

С т у д з и н с к и й. Ножку! Ножку!

М ы ш л а е в с к и й. Ать! Ать! Ать! Первая батарея, стой!

П е р в ы й о ф и ц е р. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

М ы ш л а е в с к и й. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

П е р в ы й о ф и ц е р (Мышлаевскому). У меня, господин капитан, пятерых во взводе не хватает. По-видимому, ходу дали. Студентики!

В т о р о й о ф и ц е р. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

П е р в ы й о ф и ц е р. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

М ы ш л а е в с к и й. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Сейчас приедет. (Юнкерам.) Что, озябли?

П е р в ы й ю н к е р. Так точно, господин капитан, прохладно.

М ы ш л а е в с к и й. Отчего ж вы стоите на месте? Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды "вольно" вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, второй взвод, в классы парты ломать, печи топить! Живо!

Ю н к е р а(кричат). Братцы, вали в класс!

Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

М а к с и м (появляется из каморки, в ужасе). Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить?! Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

П е р в ы й о ф и ц е р. Явление четырнадцатое...

М ы ш л а е в с к и й. А чем же, старик, печи топить?

М а к с и м. Дровами, батюшка, дровами.

М ы ш л а е в с к и й. А где у тебя дрова?

М а к с и м. У нас дров нету.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

М а к с и м. Господи Боже мой, угодники-святители! Что же это делается! Татары, чистые татары. Много войска было... (Уходит. Кричит за сценой.) Господа военные, что же это вы делаете!

Ю н к е р а (ломают парты, пилят их, топят печь. Поют).

Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя,

То, как зверь, она завоет,

То заплачет, как дитя...

М а к с и м. Эх, кто же так печи растопляет?

Ю н к е р а(поют).

Ах вы, Сашки-канашки мои!..

(Печально.)

Помилуй нас, Боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

П е р в ы й о ф и ц е р. Снаряд.

М ы ш л а е в с к и й. Разрыв где-то близко.

П е р в ы й ю н к е р. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

М ы ш л а е в с к и й. Вздор! Петлюра плюнул.

Песня замирает.

П е р в ы й о ф и ц е р. Я думаю, господин капитан, что придется сегодня с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя?

В т о р о й о ф и ц е р (мрачен). Узнаешь, не спеши.

М ы ш л а е в с к и й. Наше дело маленькое. Прикажут – повидаем. (Юнкерам.) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Ю н к е р а(поют).

И когда по белой лестнице

Поведут нас в синий край...

В т о р о й ю н к е р (подлетает к Студзинскому). Командир дивизиона!

С т у д з и н с к и й. Становись! Дивизион, смирно! Равнение на середину! Господа офицеры! Господа офицеры!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея, смирно!

Входит А л е к с е й.

А л е к с е й (Студзинскому). Список! Скольких нету?

С т у д з и н с к и й (тихо). Двадцати двух человек.

А л е к с е й (рвет список). Наша застава на Демиевке?

С т у д з и н с к и й. Так точно!

А л е к с е й. Вернуть!

С т у д з и н с к и й (второму юнкеру). Вернуть заставу!

В т о р о й ю н к е р. Слушаю. (Убегает.)

А л е к с е й. Приказываю господам офицерам и дивизиону внимательно слушать то, что я им объявлю. Слушать, запоминать. Запомнив, исполнять.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам.

Пауза.

Я кончил. Исполнять приказание!

С т у д з и н с к и й. Господин полковник! Алексей Васильевич!

П е р в ы й о ф и ц е р. Господин полковник! Алексей Васильевич!

В т о р о й о ф и ц е р. Что это значит?

А л е к с е й. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание! Живо!

Т р е т и й о ф и ц е р. Что это значит, господин полковник? Арестовать его!

Шум.

Ю н к е р а. Арестовать?!.

Мы ничего не понимаем!..

Как – арестовать?!.. Что ты, взбесился?!..

Петлюра ворвался!..

Вот так штука! Я так и знал!..

Тише!..

П е р в ы й о ф и ц е р. Что это значит, господин полковник?

Т р е т и й о ф и ц е р. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

Н и к о л к а. Что вы, господа, что вы делаете?

В т о р о й о ф и ц е р. Арестовать его! Он передался Петлюре!

Т р е т и й о ф и ц е р. Господин полковник, вы арестованы!

М ы ш л а е в с к и й (удерживая третьего офицера). Постойте, поручик!

Т р е т и й о ф и ц е р. Пустите меня, господин капитан, руки прочь! Юнкера, взять его!

М ы ш л а е в с к и й. Юнкера, назад!

С т у д з и н с к и й. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Н и к о л к а. Назад!

С т у д з и н с к и й. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

П е р в ы й о ф и ц е р. Господа, что это?

В т о р о й о ф и ц е р. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

Т р е т и й о ф и ц е р. Не слушать старших офицеров!

П е р в ы й ю н к е р. В дивизионе бунт!

П е р в ы й о ф и ц е р. Что вы делаете?

С т у д з и н с к и й. Молчать! Смирно!

Т р е т и й о ф и ц е р. Взять его!

А л е к с е й. Молчать! Я буду еще говорить!

Ю н к е р а. Не о чем разговаривать!

Не хотим слушать!

Не хотим слушать!

Равняйтесь по командиру второй батареи!

Н и к о л к а. Дайте ему сказать.

Т р е т и й о ф и ц е р. Тише, юнкера, успокойтесь! Дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

М ы ш л а е в с к и й. Уберите своих юнкеров назад сию секунду!

П е р в ы й о ф и ц е р. Смирно! На месте!

Ю н к е р а. Смирно! Смирно! Смирно!

А л е к с е й. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно (третьему офицеру) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

Т р е т и й о ф и ц е р. Гетмана обещали защищать.

А л е к с е й. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время, как поручик собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.

Ю н к е р а. В Берлин?

О чем он говорит?!

Не хотим слушать!

П е р в ы й ю н к е р. Господа, да что вы его слушаете?

С т у д з и н с к и й. Молчать!

Гул. В окнах рассвет.

А л е к с е й. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья – его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Ю н к е р а. Быть не может!

Быть не может этого!

Это ложь!

А л е к с е й. Кто сказал – ложь? Кто сказал – ложь? Я сейчас был в штабе. Я проверил все сведения. Я отвечаю за каждое мое слово!.. Итак, господа! Вот мы, нас двести человек. А там – Петлюра. Да что я говорю – не там, а здесь! Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас – на месте мы, две-три пехотные дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня безумно напугал. Мальчишка!

Т р е т и й о ф и ц е р. Господин полковник...

А л е к с е й. Молчать! Так вот-с. Если бы вы все сейчас, вот при этих условиях вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. одним словом, идти в бой – я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, тем более что за этот балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно вы все!

Н и к о л к а. Штабная сволочь! Гул и рев.

Ю н к е р а. Что нам делать теперь?

В гроб ложиться!

Позор!..

Поди ты к черту!.. Что ты, на митинге?

Стоять смирно!

В капкан загнали.

Т р е т и й ю н к е р (вбегает с плачем). Кричали: вперед, вперед, а теперь – назад. Найду гетмана – убью!

П е р в ы й о ф и ц е р. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если верно, что говорит полковник, – равняться на меня! Достанем эшелоны – и на Дон, к Деникину!

Ю н к е р а. На Дон! К Деникину!..

Легкое дело... что ты несешь!

На Дон – невозможно!..

С т у д з и н с к и й. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить и вывезти дивизион на Дон.

А л е к с е й. Капитан Студзинский! Не сметь! Я командую дивизионом! Я буду приказывать, а вы – исполнять! На Дон? Слушайте, вы! Там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите тех же генералов и ту же штабную ораву.

Н и к о л к а. Такую же штабную сволочь!

А л е к с е й. Совершенно правильно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. Я кончил.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывайте погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

М ы ш л а е в с к и й (кричит). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

А л е к с е й. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

М ы ш л а е в с к и й. Пулемет!

С т у д з и н с к и й. Юнкера, домой!

М ы ш л а е в с к и й. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются. Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями и убегает. Гаснет свет. Алексей у печки рвет бумаги, сжигает их. Долгая пауза. Входит М а к с и м.

А л е к с е й. Ты кто такой?

М а к с и м. Я сторож здешний.

А л е к с е й. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

М а к с и м. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Много войска бывало, а такого – извините...

А л е к с е й. Старик, уйди ты от меня.

М а к с и м. Меня теперь хоть саблей рубите, а я не уйду. Мне что было сказано господином директором...

А л е к с е й. Ну, что тебе сказано господином директором?

М а к с и м. Максим, ты один останешься... Максим, гляди... А вы что же...

А л е к с е й. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

М а к с и м. Кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие – за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать...

А л е к с е й. Куда списки девались? (Разбивает шкаф ногой.)

М а к с и м. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы – ножкой. (Отходит, крестится.)

Пушечный удар.

Царица небесная... Владычица... Господи Иисусе...

А л е к с е й. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну, попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

М ы ш л а е в с к и й появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

М а к с и м. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

М ы ш л а е в с к и й. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

М а к с и м. Татары, прямо татары... (Исчезает.)

М ы ш л а е в с к и й (издали). Алеша! Зажег я цейхгауз! Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей!

А л е к с е й. Ты, Бога ради, не задерживайся. Беги домой.

М ы ш л а е в с к и й. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено – и ходу. Ты-то чего сидишь?

А л е к с е й. Пока застава не прибежит, не могу.

М ы ш л а е в с к и й. Алеша, надо ли? А?

А л е к с е й. Ну что ты говоришь, капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Я тогда с тобой останусь.

А л е к с е й. На что ты мне нужен, Виктор? Я приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

М ы ш л а е в с к и й. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

А л е к с е й. Николка, погляди, ушел ли. Гони его в шею, ради Бога.

М ы ш л а е в с к и й. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

А л е к с е й. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно. "Серьезно и весьма"... И когда по белой лестнице... поведут нас в синий край... Застава бы не засыпалась...

Н и к о л к а (появляется наверху, крадется). Алеша!

А л е к с е й. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?! Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Н и к о л к а. Я без тебя, полковник, не пойду.

А л е к с е й. Что?! (Вынул револьвер.)

Н и к о л к а. Стреляй, стреляй в родного брата!

А л е к с е й. Болван.

Н и к о л к а. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь! Знаю, ты командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

А л е к с е й. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Н и к о л к а. Все уже ушли!

А л е к с е й. Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

Шум и топот. Вбегают юнкера, бывшие в заставе.

Ю н к е р а(пробегая). Конница Петлюры следом!..

А л е к с е й. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Я вас прикрою. Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: "И шумит, и гудит..."

Бегите, бегите! Я вас прикрою! (Бросается к окну наверху.) Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Близкий разрыв снаряда. Стекла лопнули. Алексей падает.

Н и к о л к а. Господин полковник! Алешка! Алешка, что ты наделал?!

А л е к с е й. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! (Смолкает.)

Н и к о л к а. Господин полковник... этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

У р а г а н. Тю! Бачь! Бачь! Тримай его, хлопцы! Тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Г а л а н ь б а (вбегая). Живьем! Живьем возьмить его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

К и р п а т ы й. Ишь, волчонок! Ах сукино отродье!

У р а г а н. Не уйдешь! Не уйдешь!

Появляются гайдамаки.

Н и к о л к а. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! (Бросается с перил и исчезает.)

К и р п а т ы й. Ах циркач! (Стреляет.) Нема больше никого.

Г а л а н ь б а. Что ж вы выпустили его, хлопцы? Эх, шляпа!..

Гармоника: "И шумит, и гудит..." За сценой крик: "Слава, слава!" Трубы за сценой. Болботун, за ним – гайдамаки со штандартами.

Знамена плывут вверх по лестнице. Оглушительный марш.

Картина вторая

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мной, как вам угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?

Е л е н а. Ах, нет, нет! Что вы, Лариосик! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать: где они?

Л а р и о с и к. Боже мой, как ужасна гражданская война!

Е л е н а. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, я вас не пущу! Да я... я вас просто не пущу!.. Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не выпускать вас на улицу, и я ему дал слово.

Е л е н а. Я близко...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна!

Е л е н а. Хотя бы узнать, в чем дело...

Л а р и о с и к. Я сам пойду...

Е л е н а. Оставьте это... Будем ждать...

Л а р и о с и к. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переживет теперь в Берлине эту ужасную кутерьму и вернется.

Е л е н а. Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Л а р и о с и к. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду, что сказать вовремя... Может быть, вы чаю хотите? Я бы поставил самоварчик...

Е л е н а. Нет, не надо...

Стук.

Л а р и о с и к. Постойте, постойте, не открывайте, надо спросить, кто там. Кто там?

Ш е р в и н с к и й. Это я! Я... Шервинский...

Е л е н а. Слава Богу! (Открывает.) Что это значит? Катастрофа?

Ш е р в и н с к и й. Петлюра город взял.

Л а р и о с и к. Взял? Боже, какой ужас!

Е л е н а. Где они? В бою?

Ш е р в и н с к и й. Не волнуйтесь, Елена Васильевна! Я предупредил Алексея Васильевича несколько часов тому назад. Все обстоит совершенно благополучно.

Е л е н а. Как же все благополучно? А гетман? Войска?

Ш е р в и н с к и й. Гетман сегодня ночью бежал.

Е л е н а. Бежал? Бросил армию?

Ш е р в и н с к и й. Точно так. И князь Белоруков. (Снимает пальто.)

Е л е н а. Подлецы!

Ш е р в и н с к и й. Неописуемые прохвосты!

Л а р и о с и к. А почему свет не горит?

Ш е р в и н с к и й. Обстреляли станцию.

Л а р и о с и к. Ай-ай-ай...

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Сейчас офицеров будут искать.

Е л е н а. Ну конечно!

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, если бы вы знали, как я счастлив, что вы живы и здоровы.

Стук в дверь.

Ларион, спросите, кто там...

Л а р и о с и к. Кто там?

Голос Мышлаевского. Свои, свои...

Лариосик открывает дверь. Входят М ы ш л а е в с к и й и С т у д з и н с к и й.

Е л е н а. Слава тебе Господи! А где же Алеша и Николай?

М ы ш л а е в с к и й. Спокойно, спокойно, Лена. Сейчас придут. Не бойся ничего, улицы еще свободны. Их обоих застава проводит. А, этот уж тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...

Е л е н а. Спасибо, все. Ну, немцы! Ну, немцы!

С т у д з и н с к и й. Ничего... ничего... когда-нибудь вспомним мы все... Ничего!

М ы ш л а е в с к и й. Здравствуй, Ларион!

Л а р и о с и к. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия!

М ы ш л а е в с к и й. Да, происшествия первого сорта.

Е л е н а. На кого вы похожи! Идите грейтесь, я вам сейчас самовар поставлю.

Ш е р в и н с к и й (от камина). Помочь вам, Лена?

Е л е н а. Не надо. Я сама. (Убегает.)

М ы ш л а е в с к и й. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чому ж це вы без аксельбантов?.. "Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части..." И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Ш е р в и н с к и й. Что означает этот балаганный тон?

М ы ш л а е в с к и й. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость теперь, в настоящее время?

Ш е р в и н с к и й. Зачем тебе?

М ы ш л а е в с к и й. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Ш е р в и н с к и й. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

М ы ш л а е в с к и й. Мерзавцы!

Ш е р в и н с к и й. Что-о?

Л а р и о с и к. Зачем же ссориться?

С т у д з и н с к и й. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор! Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку? Поручик, успокойтесь.

Ш е р в и н с к и й. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо... И главное – хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос, сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

С т у д з и н с к и й. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Е л е н а (входит). Что такое? В чем дело?

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна, вы не волнуйтесь, все будет в полном порядке. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Виктор, извинись, ты не имеешь никакого права.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Ш е р в и н с к и й. Довольно странно.

С т у д з и н с к и й. Бросьте, совсем не до этого. (Садится к огню.)

Пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Где Алеша с Николкой, в самом деле?

С т у д з и н с к и й. Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Что ж, он, значит, при тебе ходу дал?

Ш е р в и н с к и й. При мне: я был до последней минуты.

М ы ш л а е в с к и й. Замечательное зрелище! Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что же ты не пришиб его, как собаку?

Ш е р в и н с к и й. Ты бы пошел и сам его пришиб!

М ы ш л а е в с к и й. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж, он тебе сказал что-нибудь на прощанье?

Ш е р в и н с к и й. Что ж, сказал! Обнял, поблагодарил за верную службу...

М ы ш л а е в с к и й. И прослезился?

Ш е р в и н с к и й. Да, прослезился...

Л а р и о с и к. Прослезился? Скажите пожалуйста!..

М ы ш л а е в с к и й. Может быть, подарил что-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой.

Ш е р в и н с к и й. Да, подарил портсигар.

М ы ш л а е в с к и й. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...

Ш е р в и н с к и й. Что ты хочешь этим сказать?

М ы ш л а е в с к и й. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Убил! Действительно монограмма!

Ш е р в и н с к и й. Что нужно сказать, капитан Мышлаевский?

М ы ш л а е в с к и й. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Л а р и о с и к. Я в жизни не видал такой красоты! Целый фунт, вероятно, весит.

Ш е р в и н с к и й. Восемьдесят четыре золотника.

В окно стук.

Господа!..

Встают.

М ы ш л а е в с к и й. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?..

Ш е р в и н с к и й. Господа... револьверы... лучше выбросить. (Прячет портсигар за камин.)

Студзинский и Мышлаевский подходят к окну и, осторожно отодвинув штору, выглядывают.

С т у д з и н с к и й. Ах, я себе простить не могу!

М ы ш л а е в с к и й. Что за дьявольщина!

Л а р и о с и к. Ах, Боже мой! (Кидается известить Елену.) Елена...

М ы ш л а е в с к и й. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. (Зажимает ему рот.)

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой! Алеша-то где же?.. Убить меня мало!.. Кладите, кладите... прямо на пол...

С т у д з и н с к и й. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи!

Ш е р в и н с к и й. Голова разбита!..

С т у д з и н с к и й. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Ш е р в и н с к и й. Давайте перенесем его... туда... Нельзя же на полу, в самом деле...

С т у д з и н с к и й. Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван.

Переносят Николку на диван.

Режь сапог!.. Режь сапог!.. У Алексея Васильевича бинты в кабинете.

Шервинский убегает.

Спирт захватите! Господи Боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алексей Васильевич?..

Шервинский прибегает с йодом и бинтами. Студзинский бинтует голову Николки.

Л а р и о с и к. Он умирает?

Н и к о л к а (приходя в себя). О!

М ы ш л а е в с к и й. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алешка?

С т у д з и н с к и й. Где Алексей Васильевич?

Н и к о л к а. Господа...

М ы ш л а е в с к и й. Что?

Стремительно входит Е л е н а.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Е л е н а. Да его ранили! Что ты говоришь?

Н и к о л к а. Нет, Леночка, нет...

Е л е н а. А где Алексей? Где Алексей? (Настойчиво.) Ты же с ним был. Отвечай одно слово: где Алексей?

М ы ш л а е в с к и й. Что же теперь делать-то?

С т у д з и н с к и й (Мышлаевскому). Этого не может быть! Не может!..

Е л е н а. Что же ты молчишь?

Н и к о л к а. Леночка... Сейчас...

Е л е н а. Не лги! Только не лги! Мышлаевский делает знак Николке – "молчи".

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна...

Ш е р в и н с к и й. Лена, что вы...

Е л е н а. Ну, все понятно! Убили Алексея!

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, что ты, Лена! С чего ты взяла?

Е л е н а. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо! Я ведь знала, чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится!

С т у д з и н с к и й (Николке). Говорите, что с ним?!

Е л е н а. Ларион! Алешу убили...

Ш е р в и н с к и й. Дайте воды...

Е л е н а. Ларион! Алешу убили! Вчера вы с ним за столом сидели – помните? А его убили...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, миленькая...

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все домой пришли, а командира убили?..

М ы ш л а е в с к и й. Лена, пожалей нас, что ты говоришь?! Мы все исполняли его приказание. Все!

С т у д з и н с к и й. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват. Нельзя было его оставить! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! (Берет револьвер.)

М ы ш л а е в с к и й. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

С т у д з и н с к и й. Убери руки!

М ы ш л а е в с к и й. Что ж, я один останусь? Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последним, предупреждал и все исполнил. Лена!

С т у д з и н с к и й. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

М ы ш л а е в с к и й. Отдай револьвер! Шервинский!

Ш е р в и н с к и й. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (Держит Студзинского.)

М ы ш л а е в с к и й. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Е л е н а. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

С т у д з и н с к и й (истерически). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Е л е н а. Никто!.. Никто!.. Я обезумела.

М ы ш л а е в с к и й. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Найдем... Говори начистоту...

Н и к о л к а. Убили командира...

Елена падает в обморок.

Занавес

Действие четвертое

Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года. Квартира освещена: Елена и Лариосик убирают елку.

Л а р и о с и к (на лесенке). Я полагаю, что эта звезда... (Таинственно прислушивается.)

Е л е н а. Что вы?

Л а р и о с и к. Нет, это мне показалось... Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они возьмут город.

Е л е н а. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Л а р и о с и к. Верный признак – стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, за эти последние два месяца мне страшно надоела стрельба. Я не люблю...

Е л е н а. Я разделяю ваш вкус.

Л а р и о с и к. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна.

Е л е н а. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете.

Л а р и о с и к. Ну что вы, Елена Васильевна!.. Елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива! Ах, Елена Васильевна, если бы вы знали!.. Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... (Пауза.) Впрочем, здесь мне лучше, гораздо лучше, чем в детстве. Вот отсюда я никуда бы не ушел... Так бы просидел весь век под елкой у ваших ног и никуда бы не ушел...

Е л е н а. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Л а р и о с и к. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к чер... Ах, извините, Елена Васильевна!

Е л е н а. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способный.

Л а р и о с и к. Вы искренно говорите?

Е л е н а. Совершенно искренно.

Л а р и о с и к. Ну хорошо... Я прочту... Я прочту... Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать стихи.

Е л е н а. Почему?

Л а р и о с и к. Нет, зачем?..

Е л е н а. А кому посвящается?

Л а р и о с и к. Одной женщине.

Е л е н а. Секрет?

Л а р и о с и к. Секрет. Вам.

Е л е н а. Спасибо вам, милый.

Л а р и о с и к. Что мне спасибо!.. Из спасибо шинели не сошьешь... Ой, извините, Елена Васильевна, это я от Мышлаевского заразился. Вы знаете, такие выражения вырываются...

Е л е н а. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Л а р и о с и к. Нет. Я в вас влюблен.

Е л е н а. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Л а р и о с и к. Знаете что? Выйдите за меня замуж.

Е л е н а. Вы трогательный человек. Только это невозможно.

Л а р и о с и к. Он не вернется!.. А как же вы будете одна? Одна, без поддержки, без участия. Ну, правда, я поддержка довольно парши... слабая, зато я вас очень буду любить. Всю жизнь. Вы – мой идеал. Он не приедет. Теперь в особенности, когда наступают большевики... Он не вернется!

Е л е н а. Он не вернется. Но не в этом дело. Если бы он даже и вернулся, все равно моя жизнь с ним кончена.

Л а р и о с и к. Его отрезали... Я не мог смотреть на вас, когда он уехал. У меня сердце кровью обливалось. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-Богу...

Е л е н а. Разве я такая плохая была?

Л а р и о с и к. Ужас! Кошмар! Худая-прехудая... Лицо – желтое-прежелтое...

Е л е н а. Что вы выдумываете, Ларион!

Л а р и о с и к. Ой... действительно, черт-те что... Но теперь вы лучше, гораздо лучше... Вы теперь румяная-прерумяная...

Е л е н а. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую.

Л а р и о с и к. В лоб? Ну, в лоб – так в лоб!

Елена целует его в лоб.

Конечно, разве можно меня полюбить!

Е л е н а. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Л а р и о с и к. Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!

Е л е н а. Разве уж я не гожусь?

Л а р и о с и к. Вы – святая! Вы... А кто он? Я его знаю?

Е л е н а. И очень хорошо. Л а р и о с и к. Очень хорошо знаю?.. Стойте... Кто же? Стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля, а дам не трогай... А я думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Е л е н а. Лариосик! Это нескромно!

Л а р и о с и к. Я ухожу... Я ухожу....

Е л е н а. Куда, куда?

Л а р и о с и к. Пойду к армянину за водкой и напьюсь до бесчувствия...

Е л е н а. Так я вам и позволила... Ларион, я буду вам другом.

Л а р и о с и к. Читал, читал в романах... Как "другом буду" – значит, кончено, крышка! Конец! (Надевает пальто.)

Е л е н а. Лариосик! Возвращайтесь скорее! Скоро гости придут!

Лариосик, открыв дверь, сталкивается в передней с входящим Ш е р в и н с к и м. Тот в мерзкой шляпе и изодранном пальто, в синих очках.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Елена Васильевна! Здравствуйте, Ларион!

Л а р и о с и к. А... здравствуйте... здравствуйте. (Исчезает.)

Е л е н а. Бог мой! На кого вы похожи!

Ш е р в и н с к и й. Ну, спасибо, Е л е н а Васильевна. Я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уже какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют, так и шныряют. И один говорит таким ласковым голоском: "Ишь, украинский барин! Погоди, говорит, до завтра. Завтра мы вас с извозчиков поснимаем!" У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас – Петлюре крышка!

Е л е н а. Что вы говорите?!

Ш е р в и н с к и й. Сегодня ночью красные будут. Стало быть, советская власть и тому подобное!

Е л е н а. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Ш е р в и н с к и й. Я сочувствующий! А пальтишко я у дворника напрокат взял. Это – беспартийное пальтишко.

Е л е н а. Сию минуту извольте снять эту гадость!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с! (Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном фрачном костюме.) Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Е л е н а. Поздравляю вас.

Ш е р в и н с к и й. Лена, никого дома нет? Как Николка?

Е л е н а. Спит...

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. Пустите... Постойте, зачем же вы сбрили баки?

Ш е р в и н с к и й. Гримироваться удобнее.

Е л е н а. Большевиком вам так удобнее гримироваться. У, хитрое, малодушное создание! Не бойтесь, никто вас не тронет.

Ш е р в и н с к и й. Ну пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка! Можно объясниться?

Е л е н а. Объяснитесь.

Ш е р в и н с к и й. Лена! Вот все кончилось... Николка выздоравливает... Петлюру выгоняют... Я дебютировал... Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не приедет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-Богу!.. Я не плохой. Ты посмотри на себя. Ты одна. Ты чахнешь...

Е л е н а. Ты исправишься?

Ш е р в и н с к и й. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Е л е н а. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь. И прежде всего перестанете лгать!

Ш е р в и н с к и й. Неужели я такой лгун, Леночка?

Е л е н а. Вы не лгун, а Бог тебя знает, какой-то пустой, как орех... Что такое?! Государя императора в портьере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная – меццо-сопрано, а оказывается, она – просто продавщица в кофейне Семадени...

Ш е р в и н с к и й. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Е л е н а. У нее, кажется, был ангажемент!

Ш е р в и н с к и й. Лена! Клянусь памятью покойной мамы, а также и папы – у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Е л е н а. Мне все равно. Мне неинтересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз сказал правду, когда говорил про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять. Фу!.. Срам... Срам...

Ш е р в и н с к и й. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его спрятал.

Е л е н а. Стащил со стола?

Ш е р в и н с к и й. Спрятал. Это историческая ценность.

Е л е н а. Боже мой, этого еще недоставало! Дайте его сюда! (Отбирает портсигар и прячет.)

Ш е р в и н с к и й. Леночка, папиросы там – мои.

Е л е н а. Счастлив ваш Бог, что вы догадались мне об этом сказать. А если бы я сама узнала?..

Ш е р в и н с к и й. А как бы вы узнали?

Е л е н а. Дикарь!

Ш е р в и н с к и й. Вовсе нет. Леночка, я страшно изменился. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала или смерть Алеши... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша, я ведь – ого-го... Сегодня на дебюте спел, а директор мне говорит: "Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр..." Подошел ко мне, обнял меня и...

Е л е н а. И что?

Ш е р в и н с к и й. И ничего... Пошел по коридору...

Е л е н а. Неисправим!

Ш е р в и н с к и й. Лена!

Е л е н а. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Ш е р в и н с к и й. Развод. Развод. Ты адрес его знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено! Кончено!

Е л е н а. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Ш е р в и н с к и й. Ты победил, Галилеянин! Лена! (Поет.) И будешь ты царицей ми-и-и-ра... "Соль" чистое! (Указывает на портрет Тальберга.) Я требую выбросить его вон! Я его видеть не могу!

Е л е н а. Ого, какой тон!

Ш е р в и н с к и й (ласково). Я его, Леночка, видеть не могу. (Выламывает портрет из рамы и бросает его в камин.) Крыса! И совесть моя чиста и спокойна!

Е л е н а. Тебе жабо очень пойдет... Красив ты, что говорить!..

Ш е р в и н с к и й. Мы не пропадем...

Е л е н а. О, за тебя-то я не боюсь!.. Ты не пропадешь!

Ш е р в и н с к и й. Лена, идем к тебе... Я спою, ты проаккомпанируешь... Ведь мы два месяца не виделись. Все на людях да на людях.

Е л е н а. Да ведь придут сейчас.

Ш е р в и н с к и й. А мы тогда вернемся обратно.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет эпиталаму из "Нерона".

Н и к о л к а (входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб. В студенческой тужурке). А!.. Репетируют! (Видит раму портрета.) А!.. Вышибли. Понимаю... Я давно догадывался. (Ложится на диван.)

Л а р и о с и к (появляется в передней). Николаша! Встал? Один? Подожди, сейчас подушку тебе принесу. (Приносит подушку Николке.)

Н и к о л к а. Не беспокойся, Ларион, не нужно. Спасибо. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Л а р и о с и к. Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!

Н и к о л к а. Слушай, Ларион, что их-то еще нету?

Л а р и о с и к. Нет еще, но скоро будут. Ты знаешь, иду сейчас по улице – обозы, обозы, и на них эти, с хвостами. Видно, здорово поколотили их большевики.

Н и к о л к а. Так им и надо!

Л а р и о с и к. Но тем не менее я водочки достал! Единственный раз в жизни мне повезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек!

Погода была великолепная, когда я выходил. Небо ясно, звезды блещут, пушки не стреляют... Все обстоит в природе благополучно. Но стоит мне показаться на улице – обязательно пойдет снег. И действительно, вышел – и мокрый снег лепит в самое лицо. Но бутылочку достал!.. Пусть знает Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но бутылку держал в руках.

Г о л о с Ш е р в и н с к о г о. "Ты любовь благословляешь..."

Н и к о л к а. Смотри, видишь?.. Потрясающая новость! Елена расходится с мужем. Она за Шервинского выйдет.

Л а р и о с и к (роняет бутылку). Уже?

Н и к о л к а. Э, Лариосик, э-э!.. Что ты, Ларион, что ты?.. А-а... понимаю! Тоже врезался?

Л а р и о с и к. Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как врезался, неуместны. Понял? Она золотая!

Н и к о л к а. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье. Оттого всем и нравится, что рыжая. Как кто увидит, сейчас букеты начинает таскать. Так что у нас все время в квартире букеты, как веники, стояли. А Тальберг злился. Ну, ты осколки собирай, а то сейчас Мышлаевский явится, он тебя убьет.

Л а р и о с и к. Ты ему не говори. (Собирает осколки.)

Звонок, Лариосик впускает М ы ш л а е в с к о г о и С т у д з и н с к о г о. Оба в штатском.

М ы ш л а е в с к и й. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

С т у д з и н с к и й. Да-да! Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь.

М ы ш л а е в с к и й. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме?!.. Вы водкой полы моете?!.. Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется – бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд – бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Л а р и о с и к. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

М ы ш л а е в с к и й. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя не сержусь.

Н и к о л к а. А почему стрельбы нет?

М ы ш л а е в с к и й. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Л а р и о с и к. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Н и к о л к а. Интересно, как большевики выглядят?

М ы ш л а е в с к и й. Увидишь, увидишь.

Л а р и о с и к. Капитан, ваше мнение?

С т у д з и н с к и й. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!

М ы ш л а е в с к и й. Куда за Петлюрой?

С т у д з и н с к и й. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

М ы ш л а е в с к и й. А потом куда?

С т у д з и н с к и й. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

М ы ш л а е в с к и й. Опять, значит, к генералам под команду? Это очень остроумный план. Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

С т у д з и н с к и й. Не терзай мою душу, не вспоминай.

М ы ш л а е в с к и й. Нет, позвольте, его нет, позвольте, я поговорю... Опять в армию, опять биться?.. И прослезился?.. Спасибо, спасибо, я уже смеялся. В особенности когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Л а р и о с и к. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

М ы ш л а е в с к и й. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на

позор?!.. И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? (Показывает шиш.) Шиш!

С т у д з и н с к и й. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

М ы ш л а е в с к и й. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!

Л а р и о с и к. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

М ы ш л а е в с к и й. Да, ежели угодно, я за большевиков!

С т у д з и н с к и й. Виктор, что ты говоришь?

М ы ш л а е в с к и й. Я за большевиков, но только против коммунистов.

С т у д з и н с к и й. Это смешно. Надо понимать, о чем ты говоришь.

Л а р и о с и к. Позволь тебе сказать, что это одно и то же: большевизм и коммунизм.

М ы ш л а е в с к и й (передразнивая). "Большевизм и коммунизм". Ну, тогда и за коммунистов...

С т у д з и н с к и й. Слушай, капитан, ты упомянул слово "отечество". Какое же отечество, когда большевики? Россия кончена. Вот помнишь, командир говорил, и командир был прав: вот они, большевики!..

М ы ш л а е в с к и й. Большевики?.. Великолепно! Очень рад!

С т у д з и н с к и й. Да ведь они тебя мобилизуют.

М ы ш л а е в с к и й. И пойду, и буду служить. Да!

С т у д з и н с к и й. Почему?!

М ы ш л а е в с к и й. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове "большевики". Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посредине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере, буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав!

С т у д з и н с к и й. Да какая же, к черту, русская армия, когда они Россию прикончили?! Да они нас все равно расстреляют!

М ы ш л а е в с к и й. И отлично сделают! Заберут в Чека, обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам...

С т у д з и н с к и й. Я с ними буду биться!

М ы ш л а е в с к и й. Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!.. Шпарь к большевикам, кричи им: не пущу! Николку с лестницы уже сбросили раз! Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут. И правильно – не лезь. Теперь пошли дела не наши!

Л а р и о с и к. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

М ы ш л а е в с к и й. Ты на войне был?

Л а р и о с и к. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И, кроме того, я единственный сын у моей мамы.

М ы ш л а е в с к и й. Правильно, товарищ белобилетник.

С т у д з и н с к и й. Была у нас Россия – великая держава!..

М ы ш л а е в с к и й. И будет!.. Будет!

С т у д з и н с к и й. Да, будет, будет – ждите!

М ы ш л а е в с к и й. Прежней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону – а что вас расхлопают, я вам предсказываю – и когда ваш Деникин даст деру за границу – а я вам это тоже предсказываю, – тогда куда?

С т у д з и н с к и й. Тоже за границу.

М ы ш л а е в с к и й. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда ни приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь, в России. И будь с ней что будет!.. Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

С т у д з и н с к и й. Я вижу, что я одинок.

Ш е р в и н с к и й (вбегает). Подождите, подождите, не закрывайте собрания. Я имею внеочередное заявление. Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... (Кланяется, указывая рукой на себя.)

Входит Е л е н а.

Л а р и о с и к. А!..

М ы ш л а е в с к и й. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

С т у д з и н с к и й. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

М ы ш л а е в с к и й (идет за Лариосиком, убежавшим в переднюю). Ларион, поздравь – неудобно! Потом опять сюда придешь.

Л а р и о с и к (Елене). Поздравляю вас и желаю вам счастья. (Шервинскому.) Поздравляю вас... поздравляю.

М ы ш л а е в с к и й. Но ты молодец, молодец! Ведь какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Е л е н а. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

М ы ш л а е в с к и й. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. А сам я по преимуществу человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме... Ларион, наливай! Поздравить надо!

Ш е р в и н с к и й. Погодите, господа! Не пейте это вино! Я вам сейчас принесу. Вы знаете, какое это вино! Ого-го-го!.. (Взглянул на Елену, увял.) Ну так, среднее винишко. Обыкновенное "Абрау-Дюрсо".

М ы ш л а е в с к и й. Лена, твоя работа! Женись, Шервинский, ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг в штатском пальто, с чемоданом.

С т у д з и н с к и й. Господа! Владимир Робертович... Владимир Робертович...

Т а л ь б е р г. Мое почтение.

Мертвая пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Это номер!

Т а л ь б е р г. Здравствуй, Лена! Вы как будто удивлены?

Пауза.

Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Ш е р в и н с к и й. А вот что...

Е л е н а. Погоди... Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Ш е р в и н с к и й. Лена, я не хочу!

М ы ш л а е в с к и й. Постой, постой... Все уладим. Соблюдай спокойствие... Нам выкатываться, Леночка?

Е л е н а. Да.

М ы ш л а е в с к и й. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Ларион, забирай подушку, и идем.

Все уходят, причем Лариосик почему-то на цыпочках.

Е л е н а. Прошу вас.

Т а л ь б е р г. Что все это значит? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки? Где Алексей?

Е л е н а. Алексея убили.

Т а л ь б е р г. Не может быть!.. Когда?

Е л е н а. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Т а л ь б е р г. Ах, Боже мой, это ужасно! Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

Е л е н а. Да, помню. А Николка – калека.

Т а л ь б е р г. Конечно, все это ужасно... Но ведь я же не виноват во всей этой истории... И согласись, это никак не причина для устройства такой, я бы сказал, глупой демонстрации.

Пауза.

Е л е н а. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики уже будут...

Т а л ь б е р г. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову. Киев надо бросить немедленно... времени нету... Я за тобой.

Е л е н а. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Т а л ь б е р г (после долгой паузы). Хорошо! Очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа...

Е л е н а. Виктор!..

Входит М ы ш л а е в с к и й.

М ы ш л а е в с к и й. Лена, ты меня уполномачиваешь объясниться?

Е л е н а. Да! (Уходит.)

М ы ш л а е в с к и й. Понял. (Подходит к Тальбергу.) Ну? Вон!.. (Ударяет его.)

Тальберг растерян. Идет в переднюю, уходит.

М ы ш л а е в с к и й. Лена! Персонально!

Входит Е л е н а.

Уехал. Дает развод. Очень мило поговорили.

Е л е н а. Спасибо, Виктор! (Целует его и убегает.)

М ы ш л а е в с к и й. Ларион!

Л а р и о с и к (входит). Уже уехал?

М ы ш л а е в с к и й. Уехал!

Л а р и о с и к. Ты гений, Витенька!

М ы ш л а е в с к и й. "Я гений – Игорь Северянин". Туши свет, зажигай елку и сыграй какой-нибудь марш.

Лариосик тушит свет в комнате, освещает елку электрическими лампочками, выбегает в соседнюю комнату. Марш.

Господа, прошу!

Входят Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, Н и к о л к а и Е л е н а.

С т у д з и н с к и й. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

М ы ш л а е в с к и й. Ларионова работа. Ну, теперь позвольте вас поздравить по-настоящему. Ларион, довольно!

Входит Л а р и о с и к с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем. И вообще – ваше здоровье! (Пьет.)

Н и к о л к а (трогает струны гитары, поет).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною?

И скоро ль на радость соседей-врагов

Могильной засыплюсь землею?

Так громче, музыка, играй победу,

Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

М ы ш л а е в с к и й (поет). Так за Совет Народных Комиссаров...

Все, кроме Студзинского, подхватывают:

"Мы грянем громкое "Ура! Ура! Ура!".

С т у д з и н с к и й. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!

Н и к о л к а (запевает).

Из темного леса навстречу ему

Идет вдохновенный кудесник...

Л а р и о с и к. Замечательно!.. Огни... елочка...

М ы ш л а е в с к и й. Ларион! Скажи нам речь!

Н и к о л к а. Правильно, речь!..

Л а р и о с и к. Я, господа, право, не умею! И, кроме того, я очень застенчив.

М ы ш л а е в с к и й. Ларион говорит речь!

Л а р и о с и к. Что ж, если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Господа! Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много... и я в том числе. Я пережил жизненную драму... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

М ы ш л а е в с к и й. Как хорошо про корабль...

Л а р и о с и к. Да, корабль... Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Ну, не стоит говорить о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра... Все живы... да... мы все снова вместе... И даже больше того: вот Елена Васильевна, она тоже пережила очень и очень много и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: "Мы отдохнем, мы отдохнем..."

Далекие пушечные удары.

М ы ш л а е в с к и й. Так-с!.. Отдохнули!.. Пять... шесть... Девять!..

Е л е н а. Неужто бой опять?

Ш е р в и н с к и й. Нет. Это салют!

М ы ш л а е в с к и й. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

За сценой издалека, все приближаясь, оркестр играет "Интернационал".

Господа, слышите? Это красные идут!

Все идут к окну.

Н и к о л к а. Господа, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.

С т у д з и н с к и й. Кому – пролог, а кому – эпилог.

notes

Примечания

1

"Кто уходит на охоту, теряет свое место" (франц.). Здесь и в дальнейшем перевод сделан автором.

2

Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... Да... (нем.)

3

Имеем честь приветствовать вашу светлость (нем.).

4

Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (нем.).

5

Мы об этом знали уже давно (нем.).

6

Это неслыханно! (нем.)

7

Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (нем.)

8

Тише! (нем.)

9

Родина есть родина (нем.).

10

Господин доктор, будьте так любезны... (нем.)

11

Готово (нем.).

12

Сию минуту (нем.).

13

До свидания (нем.)